

Виола по-настоящему не умела ладить с такими людьми, как Осаму Дадзай.

Судя по манере общения Дадзая, можно было подумать, что она ему очень симпатична.

Но стоило открыть список уровня любви — и сколько ни листай, имени Осаму Дадзая там не отыскать.

Что это значит?

Это значит, что уровень любви этого парца к ней равен нулю или уходит в минус.

Непонятно.

Зеркало не решалось высказать всё до конца.

Если бы принцесса могла видеть колебания уровня любви Осаму Дадзая, она бы заметила странную кривую: от нуля она падала до отрицательных значений, затем снова поднималась до нуля, то взмывая вверх, то опускаясь вниз, прямо как на американских горках. При этом пиковое значение шкалы любви за всё время так и не преодолело отметку нуля, зато минимум постоянно обновлял рекорды. И наконец, зафиксировавшийся уровень любви всё-таки вернулся к злополучному нулю.

Словно кто-то топтался у порога света и тепла, порываясь войти, но, охваченный непрекращающимся самобичеванием, пятился назад, пока в конце концов не остановился перед самой дверью, соблюдая осторожность и бдительность. Заглядывая внутрь, он предпочитал просто наблюдать со стороны.

Виола редко заглядывала в этот список уровня любви.

Она не хотела превращать каждое свое движение в холодный расчет и действовать с оглядкой на цифры симпатии. В таком случае она превратилась бы в банальную воровку, искусно грабящую и обманывающую чужие чувства.

Любовь — это слишком драгоценно.

Просто поведение Осаму Дадзая казалось ей настолько непостижимым, что она из любопытства решила проверить, как обстоят дела с его уровнем любви.

Сегодня у Осаму Дадзая всё еще значился ноль.

Виола решила больше об этом не думать. Лучше просто плыть по течению.

*

Оде Сакуносукэ срочно потребовалось обезвредить бомбу.

Случайно столкнувшись с Осаму Дадзаем, тот с готовностью вызвался встретить Виолу после школы вместо него.

В итоге они не прошли и половины пути, как

Осаму Дадзай внезапно остановился.

Он задумчиво уставился на журчащую речную воду и с меланхоличным вздохом произнес: «В последнее время столько хлопот, совсем не удавалось искупаться».

Уголки губ Виолы слегка дрогнули.

Знакомы они были не так уж долго, но Виола уже столько раз становилась свидетелем того, как этот тип падает в воду, что успела привыкнуть.

Пока Дадзай с явным предвкушением топтался у берега, Виола произнесла: «Тогда отдай мне пальто».

Дадзай склонил голову набок, глядя на нее.

«Я могу подержать твоё пальто», — тон Виолы был поразительно невозмутимым. Она звучала так, будто перед выходом на баскетбольную площадку игрок бросил кому-то: «Возьми мою куртку, поддержи».

Дадзай даже не стал задумываться о том, почему за столь короткий срок Виола стала относиться к его попыткам утопиться с таким стоическим спокойствием.

Его вдруг прорвало на смех, который он никак не мог сдержать. Насмеявшись вдоволь, он с радостью сбросил с плеч пальто и протянул его Виоле.

Фирменный черный двубортный пиджак оказался длинным, и Виола аккуратно перебросила его через руку, прижав к себе, а затем слегка кивнула Осаму Дадзаю.

В результате на берегу одной из речушек Йокогамы развернулась странная картина.

В воде плыл человек.

По берегу шел человек.

В одной руке Виола держала пальто, а в другой — тетрадь, повторяя пройденный на уроке материал.

А Осаму Дадзай тем временем покачивался на волнах, то погружаясь, то выныривая.

Течение было ровным, хотя и не слишком медленным.

Однако Ай-чан без малейших усилий успевала шагать чуть впереди него.

Ближе к закату солнце постепенно растеряло свое тепло, и вода в реке похолодала.

Осаму Дадзай, напротив, нашел эту температуру куда более комфортной.

Он лежал навзничь посреди реки, его бинты медленно размокающие и распускающиеся по воде, плыли вперемешку с прядями волос и полами одежды. Стайки рыбок то и дело кружили вокруг него, а багровый закат разлился по глади воды, полностью окутывая его со всех сторон.

Стоило поднять взгляд сквозь переливающуюся, залитую закатным светом речную рябь, как перед ним представали заходящее солнце и идущая вдоль берега Ай-чан.

«Дадзай».

Дадзай лениво прикрыл глаза.

Виола покрутила в руках его телефон: «Тебе звонят».

Осаму Дадзай мысленно пожелал всем вокруг провалиться, но в воде разговаривать не получалось, поэтому он выразил свое несогласие самым практичным способом.

Он погрузил лицо в воду еще глубже.

И заметил подплывающую ближе стайку рыбок.

Хм. Послушные рыбки Ай-чан.

Он ненавидел эту липкую, противную мерзость, похожую на слизняка!

Недовольно фыркнув, он снова высунул лицо на поверхность.

Дадзай опять ломался. Убедившись с помощью рыбьей стайки, что с Дадзаем всё в порядке, Виола ответила на звонок.

Из трубки донесся сердитый рев.

Низковатый, богатый бархатными нотками голос юноши возмутился: «Ты какую опять хрень творишь, скумбрия?! Предупреждаю: пока я не вернусь из командировки, даже не смей трогать мою банковскую карту, и не вздумай перекладывать работу на...»

Столкнувшись с обвинениями из телефонной трубки, Виола ничуть не удивилась — это было вполне в стиле Осаму Дадзая.

«Простите...»

Голос на том конце замолк: «...Скумбрия?»

«Он топится в реке, я просто временно приглядываю за его пальто».

«Ха?» Короткий возглас сменился раздраженным цыканьем: «Его подчиненная?»

«Нет».

Виола мысленно прикинула время: «Не могли бы вы перезвонить минут через десять? К тому моменту он как раз...»

Дадзай с бесстрастным лицом и совершенно мокрый выбрался на берег, после чего выхватил телефон прямо из рук Виолы.

Протянув гласные, он произнес: «Слизняк...»

Трубка тут же взорвалась от криков.

Виола молча слушала, как Осаму Дадзай с упоением препирается с собеседником на другом конце провода, перекидываясь ругательствами про собак и всяких слизняков.

Вид у него был на редкость живой.

Спустя примерно три минуты словесная перепалка завершилась тем, что на том конце телефон

просто швырнули о стену.

Осаму Дадзай выглядел исключительно довольным собой. Чуть приподняв подбородок, он обратился к Виоле: «Да звонки всяких слизняков вообще не стоит принимать!»

Виола рассеянно угукнула в ответ и протянула ему пальто, призывая набросить его на плечи.

Осаму Дадзай упрямо замотал головой.

Виола настойчиво протянула вещь еще раз.

Спустя секунд десять сопротивления Дадзай все-таки накинул пальто.

«Пошли», — произнесла Виола, аккуратно убирая тетрадь.

Закат был великолепен.

Дадзай поинтересовался: «Ай-чан, почему ты сказала про десять минут?»

Виола ответила: «Еще десять минут сплава — и мы как раз дойдем до перекрестка. А если на нем повернуть направо, начнется дорога к нашему магазину. Разве ты не собираешься выйти на берег и зайти туда?»

Дадзай: «...»

Дадзай счел своим долгом подчеркнуть: «Между прочим, я вообще-то серьезно пытался покончить с собой».

Виола протянула: «Да-да, конечно».

Дадзай: «.....»

Почувствовав себя недооцененным, Дадзай сменил тему: «Ай-чан, что ты там до этого читала?»

«Физику и химию...» — при упоминании этого Виола тут же помрачнела.

Дадзай протянул: «Это сложно?»

Виола покачала головой: «Дело не в том, сложно или нет».

Дадзай легкомысленно бросил: «Тогда дай-ка я взгляну».

*

Когда Оде Сакуносукэ вернулся домой и толкнул входную дверь, он застал владельца заведения, который молча смотрел телевизор в дальнем углу комнаты.

У противоположной стены, за длинным столом, все детишки послушно склонились над домашним заданием.

А Дадзай стоял рядом с Ай-чан, облаченный в одну из старых вещей Ода-сана. Одежда оказалась ему великовата, и рукава пришлось закатить, обнажив обвитые тугими слоями бинтов предплечья. Лениво и вальяжно тыкая пальцем в книжный разворот, он пояснял: «Вот здесь — базовая формула и ее вывод...»

Ай-чан с абсолютно серьезным видом кивала, быстро-быстро что-то выписывая в тетради.

Ода-сан замер на месте.

Дадзай заметил его появление первым, лениво взмахнул рукой и беззвучно шевельнул губами, изображая имя Ода-сана.

Оде Сакуносукэ кивнул в ответ, после чего владелец бара отвел его в сторону.

Хозяин приложил палец к губам, призывая соблюдать тишину.

И с тихим восхищением прошептал: «Твой друг просто невероятен. Мало того, что он заставил всех детей сидеть тихо и делать уроки, так он еще и объясняет прекрасно».

Ода-сан кивнул: «Да, Дадзай у нас такой».

*

В школьные годы Дадзай, кроме первого места, никаких других не признавал.

Пусть его собственные школьные дни давно остались позади, стоило ему лишь бегло пролистать учебники, как все вопросы отпали сами собой.

Еще когда Виола только учила японский язык — в то время они еще не были знакомы — он какими-то путями раздобыл ее ранние японские прописи. Разумеется, стоило Оде Сакуносукэ приютить у себя девочку, как он тут же занялся ее тщательной проверкой.

Уже тогда по учебным тетрадям он с поразительной проницательностью уловил один факт.

Сегодня этот факт получил очередное подтверждение.

Все проблемы Ай-чан с физикой, химией и биологией происходили исключительно из-за пробелов в базовых знаниях.

Будто у нее имелась собственная, совершенно цельная и систематизированная картина мира.

И эта система знаний разительно отличалась от той, к которой привыкли обитатели этого мира.

В глазах Дадзая мелькнул темный огонек.

Каково же на самом деле происхождение Ай-чан?

*

Покончив с уроками и поужинав, все расселись вокруг дивана смотреть телевизор — как раз шла передача, которую больше всего любила младшая Сакура.

Осаму Дадзай, сам неведь зачем оставшийся в заведении, наотрез отказался уходить.

Когда телевизионная программа подошла к концу, настало время укладывать детей спать.

Виола собиралась перед сном почитать японские новеллы. Последнее время у нее вошло в привычку засыпать с книгой в руках.

Ее навыки чтения и письма на японском уже вполне дотягивали до уровня обычного японского школьника. Хотя это означало лишь то, что ей еще есть куда расти.

«Слышал, Ай-чан в последнее время учит английский?» — между делом обронил Осаму Дадзай.

«Угу».

Стоило завести эту тему, как Сакура тут же гордо заявила: «Ай-чан так красиво говорит по-английски!»

«Правда?» — оживился Дадзай.

Учить английский Виоле давалось даже легче, чем японский. Она пояснила: «Грамматика и синтаксис английского языка во многом пересекаются с тем языком, которым я владею от природы».

«Родной язык Ай-чан?» — Коске с серьезным видом потер подбородок. «Точно, лучший способ выучить новый язык — это сопоставлять его с родным!»

«Знаю, знаю! Родной язык — это же то, на чем человек говорит с детства! Моя прежняя учительница делала специальные карточки для обучения!» — остальные дети тоже с энтузиазмом включились в разговор.

Родной язык?

Виола покачала головой: «Это не мой родной язык».

Осаму Дадзай улыбнулся: «Тогда это наверняка язык, которым Ай-чан владеет в совершенстве!»

Язык, которым она владеет?

Всеобщий язык Итройской империи? Эльфийский язык Западных Земель? Драконий язык?

Память хранила пустоту, но сами знания оставались кристально чистыми.

Она помнила, что лучше всего владела...

□Языком Богов□

Пожалуй, это было несравненно прекрасное наречие, где от визуального воплощения до звучания, от глубинного смысла до формы каждое слово и каждый слог таили в себе невыразимую эстетику. Язык, изначально приближенный к абсолютной истине и самой сути мироздания — язык, которым изъяснялись божества.

Комната на мгновение погрузилась в абсолютную тишину.

Смертные услышали божественную речь, и их мозг, неспособный справиться с обработкой подобного потока, просто отключился.

Спустя долгое время Оде Сакуносукэ пришел в себя. С удивлением он обнаружил, что совершенно не помнит, что именно только что произнесла Ай-чан, не говоря уже о том, чтобы повторить хотя бы пару звуков.

Взгляд Осаму Дадзая стал мрачным и глубоким.

Таинственный язык.

Ай-чан хранит слишком много секретов.

Остальные дети, впрочем, не склонны были усложнять: «Ай-чан такая крутая!»

«Ничего не запомнил, от одного звука уже голова идет кругом!»

На самом деле Виола произнесла всего лишь короткую фразу, но Зеркало в ее голове уже подняло панику: «Государыня! Принцесса! Таких слов произносить нельзя! Мировое Сознание обратит на нас внимание!»

Виола пока проигнорировала его вопли — ее уже со всех сторон облепили дети, а Сакура вцепилась ей в рукав: «Ай-чан, что ты только что сказала?»

Она ощущала исходящее от людей мягкое тепло, проникавшее от кончиков пальцев до самого сердца и заставлявшее его едва заметно трепетать.

Виолу невероятно привлекало это тепло.

Не удержавшись от улыбки, она произнесла: «Это значит спокойной ночи и сладких снов».

Время уже было позднее, наступил час укладываться спать.

Виола погладила Сакуру по волосам и перешла на японский: «Сакура, спокойной ночи, сладких снов».

Она обвела взглядом остальных, лучезарно улыбаясь.

Падающий от лампы свет окутывал ее фигуру, и даже самые обычные черты лица казались источающими сияние.

«Спокойной ночи, сладких снов», — Виола назвала каждого по имени: «Коске. Ю. Кацуми. Синдзи».

Дети тут же толпой бросились к ней, причем Коске не забыл прихватить с собой и Оде Сакуносукэ. Все хором закричали: «Ай-чан, ты тоже! Спокойной ночи, сладких снов!»

Пока Виола трепала по макушкам остальных ребят, Оде Сакуносукэ бережно коснулся ее волос.

Не придавая никакого значения тому, какими именно способностями обладает Ай-чан, он произнес мягким голосом: «Сладких снов, Ай».

□Текущий уровень любви:

Оде Сакуносукэ: 80 (курс обмена 1:10)□

Сияя глазами-полумесяцами, Виола улыбнулась: «Сладких снов, Ода-сан».

«А я! А как же я?!» — вклинился Осаму Дадзай.

Ода-сан с абсолютно естественным видом произнес: «Сладких снов, Дадзай».

Виола лишь беспомощно вздохнула, но все же одарила Дадзая улыбкой: «Спокойной ночи, сладких снов, Дадзай».

Столкнувшись с этим лицом к лицу, Дадзай, напротив, невольно отпрянул назад: «.....»

Дадзай выдал: «Я пошел».

Раскусив истинную сущность этого парня, Виола просто сказала: «Твоя одежда уже высохла, иди переоденься».

Ода-сан покачал головой: «Какая же ты заботливая, Ай».

Стоило ей получить похвалу, как улыбка Виолы стала еще ярче.

В мягком свете уютной комнаты, казалось, закружились невидимые белые перья.

Осаму Дадзай бросил на нее беглый взгляд.

То ли ему мерещилось, то ли белых перьев у Ай-чан и правда стало больше.

Он поспешно удалился в другую комнату переодеться.

От одежды все еще исходило слабое тепло и тонкий шлейф фруктового аромата.

Взгляд Осаму Дадзая стал еще мрачнее, его каре-рыжие глаза напоминали затянутую пылью мертвую воду безмолвного осеннего пруда.

На сей раз он не стал заходить прощаться и просто выскользнул из заведения через заднюю дверь, в одиночку растворяясь в ночной прохладе в одной тонкой рубашке и жилете.

Полы одежды рассекали воздух одинокой дугой, но легкий фруктовый аромат неотступно следовал за ним.

Долго и мучительно колеблясь, Дадзай в конце концов все же переоделся в сухую одежду, но прежнее пальто небрежно перекинул через руку.

Этой ночью все спали крепким сном, видя теплые и сладкие сны.

А Дадзай, вернувшись в свой контейнер и просидев на его крыше добрую половину ночи, в конце концов все-таки забылся сном.

Уж насколько сладко или горько он спал в эту ночь — оставалось только гадать.

<http://bllate.org/book/21113/2142587>